

РОССИЙСКИЙ НОВЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

**ТЕКСТ: ВОСПРИЯТИЕ, ИНФОРМАЦИЯ,
ИНТЕРПРЕТАЦИЯ**

**СБОРНИК ДОКЛАДОВ
I МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
РОССИЙСКОГО НОВОГО УНИВЕРСИТЕТА
(Москва, 27–28 мая 2002 г.)**

**ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ
ТЕКСТ КАК ЯВЛЕНИЕ КУЛЬТУРЫ
ИНФОРМАЦИОННО-АНАЛИТИЧЕСКАЯ ОБРАБОТКА
ТЕКСТА**

Москва
2002

**Составители: Збруева Н.А.,
Иванова О.Ю.**

Текст: восприятие, информация, интерпретация / Пленарное заседание. Текст как явление культуры. Информационно-аналитическая обработка текста: Сборник докладов I Международной научной конференции Российского нового университета (Москва, 27–28 мая 2002 г.) / Российский новый университет; Составители: Н.А. Збруева, О.Ю. Иванова. – М.: РосНОУ, 2002. – 304 с.

ISBN 5-89789-015-3

В сборник включены доклады российских и зарубежных ученых, посвященные проблемам Текста как знаковой системы в максимально широком смысле этого слова во всем многообразии его возможных синхронных и диахронных проявлений и взаимодействий.

Издание адресовано культурологам, философам, социологам, политологам, историкам, искусствоведам, филологам, переводчикам и всем, кого интересует Текст как объект восприятия, извлечения информации и интерпретации.

ISBN 5-89789-015-3

**© Авторские доклады, 2002
© РосНОУ, 2002**

чается в единичный контекст, связанный с такими же контекстами других высказываний в том же тексте. Именно совокупность конкретно-контекстуальных смыслов высказываний является главным содержанием большинства актов речевого общения (устного или письменного). Содержание «микроконтекста» – сверхфразового единства или абзаца не дано непосредственным коммуникантам, которые по-разному формируют этот дополнительный смысл и подчас совсем его не осознают. Для восприятия такой семантической глубины необходимы даже не столько языковые знания учащихся, сколько их аналитическое мышление, эмоциональная восприимчивость и художественное чутье. В одинаковой степени это касается как культуроведческого аспекта вербального текста, так и образной системы изобразительного искусства.

Наряду с полным пониманием культуроведческого текста может иметь место неспособность: 1) интерпретировать имплицитный смысл («буквальное» понимание); 2) соотнести языковое содержание с предметным знанием для интерпретации конкретно-контекстуального смысла («вербальное» понимание); 3) интерпретировать частично либо полностью языковое содержание высказывания. Подобные случаи непонимания могут возникнуть и в конкретном акте общения.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Блуа Л. Текст и его значение. – 1992.
2. Антипов Г.А., Марковина И.Ю. Текст как явление культуры. – Новосибирск, 1989.

КУЛЬТУРНАЯ ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ ВОСПРИЯТИЯ ТЕКСТА

*И.Б. Ворожцова,
Удмуртский государственный университет
г. Ижевск*

Текст рассматривается как базовая категория философии языка и лингвистики, ориентированная на общение. С позиций философии языка текст представляет собой средство выражения

интенции говорящего передать послание и оказать воздействие [В. Руднев]. Его восприятие происходит от узнавания схемы текста (жанровая отнесенность) к его внутренней структуре и с учетом всех текстовых составляющих, значение каждой единицы есть продукт многофункциональности текста [J.-P. Bronckart]. М.М. Бахтин, определяя высказывание как «реальную единицу речевого общения», выделяет обращенность, адресованность высказывания как его существенный (конститутивный) признак, считая исключительно великой «роль других, для которых строится высказывание». За всеми механизмами и процессами текстового характера стоит человек, вскрываются его ментальные схемы и обнаруживаются все свойства, присущие речи. Именно в тексте отношение между миром и человеком, устанавливаемое в предложении, включается в систему взаимосвязей, создающих ткань коммуникации (М.М. Бахтин, А.А. Брудный, В.Г. Гак, Б.М. Гаспаров, Т.М. Дридзе, Н.И. Жинкин, Ю.М. Лотман и др.). Текст являет собой и несет в себе все характеристики речевой деятельности: он имеет автора (субъекта речи), обращен к другому/другим субъектам (адресату речи), реализуя коммуникативный замысел, несет сообщение, структурированное в соответствии с законами данного языка, отражая объективную реальность в целостности ее восприятия.

Анализ многочисленных определений текста позволяет увидеть, что ученые выделяют в тексте прежде всего его соединенность, целостность и сделанность. Все три характеристики относятся к человеческому измерению текста. В соединенности отражается свойство человека структурировать деятельность, в которой он присутствует целостно. У любого текста есть автор, который его делает или сделал.

Три аспекта текста, наиболее важные для его восприятия: автор, адресат и содержание текста. При этом – как в продуцировании текста, так и в его восприятии – исходным текстовым процессом является установление отношений между взаимодействующими субъектами речи. Автор текста и его адресат – конкретный или воображаемый – входят в диалогическое взаимодействие, где каждый из коммуникантов занимает свою позицию как средоточие установок, диспозиций, намерений и ожиданий в данном взаимодействии. Положение, развиваемое в данной рабо-

те, состоит в том, что исходный способ взаимодействия – позиция общения – обусловлен культурой коммуникантов.

Понятие позиции общения в культуре опирается на глубинный смысл общения как реализации диалогичности личности, в которой как внутренней детерминанте личности заложены исходные позиции в единстве «Я–Ты». Рассмотрение Я–Другой(Ты) в единстве как единого целого внутри одного человека в теории диалогического взаимодействия (М.М. Бахтин), в философии проблемы человека (М. Бубер), в семиотике культуры (Ю.М. Лотман) позволяет увидеть в этом единстве отправную точку общения, которое может пойти от Я или от Ты (Другой). Позиция общения относится к бытованию человека в культуре (*savoir-être*) как знание – чаще всего неосознаваемое – того, что ожидают от человека, вступающего во взаимодействие, и как соответствовать социальным ожиданиям.

Я-позиция характеризуется первичностью оценок, выражения чувств, отношения, суждений по отношению к плану сообщения (фактам), открытостью чувств и воздействия на собеседника и свойственна русской культуре. Общение в русской культуре строится как Я-ориентированное, где «Я» говорит о своих переживаниях, отношении, эмоциях, высказывает, прежде всего, свои суждения, считая неосознанно, что «Ты» включен в ситуацию и владеет информацией. Эмоциональность, нерациональность, покорность судьбе и любовь к морали – семантические характеристики смыслового универсума русского языка, обнаруживаемые А. Вежбицкой в ее работе «Русский язык». Эмоциональность проявляется в акценте на чувствах и их свободном изъяснении; в «иррациональности» (нерациональности) подчеркивается ограниченность логического мышления, человеческого знания и понимания, непостижимость и непредсказуемость жизни; любовь к морали проявляется в абсолютизации моральных измерений человеческой жизни, акценте на борьбе добра и зла (и в других, и в себе), любви к крайним и категоричным моральным суждениям, абсолютизации «хорошо – плохо» [1]. В исследовании А.П. Чудинова «наивной» картины политического мира в России через когнитивную метафору показано, что метафора имеет сильный эмотивный характер и отражает умонастроения современного российского менталитета, представляющего со-

временную Россию как «больное общество, проникнутое криминальными отношениями, как нечеловеческий мир, где идет «война всех против всех», характеризуя современный политический дискурс через «векторы опасности, агрессивности и тревожности». То представление, которое складывается в политическом дискурсе через метафору, отражает представления человека о нем самом и окружающем мире, прежде всего оценочное и эмотивное. Таков вывод и исследования метафоры в диахронии: в качестве характерной особенности макромоделей социальных отношений по аналогии с родственными связями, с противопоставлением своего и чужого, модели имущественных отношений показана тенденция к постоянной оценочной характеристике именуемых явлений [2]. Семантические характеристики русской речи, о которых говорит А. Вежбицкая, проявляют себя широким арсеналом средств русского языка для выражения эмоций и эмоциональных оттенков. Высокий эмоциональный накал русской речи обеспечивается «активными» эмоциями глаголов: *радоваться, тосковать, скучать, грустить, волноваться, беспокоиться, огорчаться, хандрить, унывать...* Их активный, процессуальный, квазиволитивный характер свидетельствует, что эмоции как бы возникли сами по себе, не под воздействием внешних факторов. Эта группа глаголов подчиняет существительные с предложениями *о/об/обо*, что включает и мыслительные процессы: *Душа грустит о небесах*. Склонность к фатализму, смирению и покорности, ощущение того, что людям неподвластна их собственная жизнь, что их способность контролировать жизненные события ограничена, проявляются в неагентивном характере русского синтаксиса [3]: *И музыка еще не вся сочинилась*.

В этом проявляется, как считает А. Вежбицкая, недостаточная выделенность индивида как автономного агента, как лица, стремящегося к своей цели и пытающегося ее достичь, как контролера событий, что подтверждается в фундаментальной работе Н.Д. Арутюновой «Язык и мир человека» со ссылкой на исследование В.В. Виноградова. В нем отмечалось, что «общественному и художественному сознанию древнерусского человека до XVII в. было чуждо понятие ... об отдельном человеческом «я» как носителе социальных и субъективных признаков и свойств» [4]. На примере анализа бытийных предложений Н.Д. Арутюнова пока-

зывает, что «русский язык моделирует сообщения о микромире по типу сообщений о макромире»: *Народу в комнате было много. Было предложение поехать за город.* В русской бытийности «человек задает личную сферу, но не занимает в ней центральной позиции». Бытийные предложения (предложения о бытии) скрывают суждения об определенном предмете, явлении и т.д., сообщая на самом деле о субъективном восприятии мира' тем или иным лицом. Н.Д. Арутюнова подчеркивает, что «язык постоянно стремится, с одной стороны, обезличить высказывания о конкретном предмете, превратив их в общие суждения, а с другой стороны, трансформировать суждения о мире в суждения об очень частном его элементе» [5]. Из двух возможных представлений синтаксической картины мира – как процессов, происходящих в мире в виде совокупности причин и следствий, и как феноменологической картины мира – русский язык выбирает последнюю, что видно по распространенности безличных предложений: *Его переехало трамваем. Его убила молния. Стучат!*

Небольшое исследование, проведенное на материале свободных высказываний по поводу новелл русских писателей (А. Чехова, М. Осоргина, Тэффи, В. Вересаева) группы студентов 4 курса, подвергнутых контент-анализу по характеристикам Я- и Ты-позиций – соотношение выраженных суждений, оценок, эмоционального отношения и информационного содержания – показал доминирование Я-высказываний, где наиболее представлены суждения, оценки и эмоциональное отношение к высказываемому (320 фрагментов), в 3 раза больше, чем номинативное (информационное) содержание. Я-позиция выражалась через 1) суждение: «*Смешно наблюдать за «дураком» со стороны, но постоянно жить с ним невыносимо и далеко не забавно*», 2) оценку: «*Иона Потанов по натуре человек добрый и отходчивый*»; 3) отношение к фактам, поступкам, человеку: «*Рассказ сильно меня затронул*», «*Эта проблема волнует меня давно*» «*Хотя я на месте главного героя тоже не могла бы выносить такого человека как Г.Г.*».

Анализ показал, что 65% субъектов высказывания остановились на самом низком пороге информирования (3) или достаточно близко к нему, 11% не переступили этот порог, сочли излишним дать какую-либо информацию. Упоминание о событиях, других персонажах дано в 22% работ.

Ты-позиция в общении определяется как способ выстраивания диалогического взаимодействия с включением адресата (Ты) в контекст взаимодействия. В этом диалогическом взаимодействии Я и Ты мыслятся как имеющие – каждый – свое собственное пространство, и Ты-стратегия состоит в том, чтобы создать поле, общее для обоих коммуникантов, где факты и информирование первичны и воздействие осуществляется через ситуативные опоры, через рациональное. Речь идет об установке на отдельность и отделенность коммуникантов (в Я-позиции Я включает Ты в свое пространство), соблюдение личностных границ, наличие дистанции, об избегании прямых оценок, прямого выражения чувств, о сглаженности в выражении отношения к высказываемому, что соотносится с декларируемым субъектно-субъектным обучением, ориентированным на равнопартнерство, стремление не нарушить психологическую безопасность адресата, свойственные Ты-позиции общения. Ты-ориентированное общение доминирует в европейской, в частности, во французской культуре.

В «Письмах русского путешественника» Н.М. Карамзин описывает поездку по горной дороге, где он встретил четырех молодых женщин: «Я остановился и смотрел на них с удивлением. Они также взглянули на меня, и одна из них сказала с лукавою усмешкою: *берегите свою шляпу, государь мой! ветер может унести ее* [курсив наш]. Тут я вспомнил, что мне надлежало снять шляпу и поклониться красавицам. Они засмеялись и прошли мимо. – Это были путешествующие Англичанки: четырехместная карета ехала за ними ...». Они косвенно говорят ему, как учтивость предполагает поступить в данном случае. В ряде писем русский историк с восхищением рассуждает о французской учтивости. Наряду с этим, он с жаром отстаивает превосходство Петра Первого перед Людовиком XIV, прибегает к красочным эпитетам, но не приводит факты в подтверждение своего отношения, что, впрочем, и не требуется: отношение экзистенциально, не каузально.

В романе Д. Голсуорси «Сага о Форсайтах» об одном из героев говорится, что «он был истинно культурный человек; чтобы он ни делал, он не мог не думать о других». Для Сомса чувства были запретной темой, против них он протестовал: «Только начини

чувствовать, думать – и ты погиб!». Свидетельство А. Вежбицкой об англосаксах подтверждается возмущением Сомса по поводу радости лондонцев в связи с тем, что отбили какой-то город у буров: *«Это же какая-то истерика, это что-то совершенно не английское»*. Он размышляет: *«Другое дело сдержанность, умение владеть собой!»* И автор комментирует, что эти качества были для него дороже жизни, эти непереносимые атрибуты собственности.

Ты-ориентированное общение выстраивается с расчетом на собеседника: подтвердить другого, дать ему знать, что он значим, что он равный партнер, подтвердить его жизненное пространство, стремиться не нарушать границ этого пространства. Это проявляется, например, в обустройстве внешней среды. Присутствие в представлениях мысли о Другом ведет к тому, что я стремлюсь увидеть окружающее пространство глазами Другого и постараться сделать его более пригодным и приятным для нашего диалога. В Я-представлениях человек стремится оборудовать для себя уголок, квартиру, дом, где все будет по его вкусу, соответствовать его суждениям, оценкам, желаниям, и в меньшей степени настроен на то, чтобы следить за тем, как выглядит лестничная площадка в доме, прилегающая территория, растет ли трава на газонах, заасфальтированы ли улицы и т.п. Информационное поле организуется в рамках позиции общения в культуре. Вопрос «Что нового?» в Я-ориентированной среде общения вызывает ответ «Ничего». Человек как бы переадресовывает себе вопрос, он задает этот вопрос сам себе. «Ничего» означает, что ничего такого, чтобы он не знал, или что для него было бы новым, нет. В Ты-ориентированной среде отвечающий как бы ставит себя на место вопрошающего и думает, что же такого произошло в его жизни, чего тот не знает с той поры, как они виделись. И тогда для него этот вопрос переформулируется как «Что произошло? Чем ты занимался?», что подразумевает разные ответы «Сдал экзамены», «Собираюсь на охоту» и т.п.

В программе школьной дисциплины «Воспитание гражданина» (*éducation civique*) в системе образования Франции социокультурные ценности поступают в таком порядке: уважение к другому человеку, уважение к общественной собственности, знание жизни коммуны, в которой живет школьник, жизнь департа-

мента и региона и в конце проблемы многообразия жизни на земле и того, что объединяет людей [6]. Ты-ориентированная позиция в общении проявляется и в том, чтобы не посвящать другого в свои заботы и несчастья. В учебнике французского языка как иностранного «Soleil» (Е. Papo, I. Cintras), рассчитанного на обучение детей 10–13 лет, в коммуникативных ситуациях воспроизводятся стереотипы поведения, присутствующие в воспитании маленьких французов. Пример задания: *On a crevé un pneu à ton vélocross. Tu ne peux pas montrer que tu as envie de pleurer. Tu plaisantes devant tes copains.*¹

Анализ средств выражения позиции общения в языке обращает внимание прежде всего на то, что в европейских языках, в частности, в романских и германских, «сообщения о макром мире, взятом в его предметном аспекте, моделируются по бытийному типу, ... а микромир человека изображается по «имущественному» принципу владения, принадлежности...в мире нечто существует (есть), человек нечто имеет» [7], что обуславливает в микромире центральность позиции человека, в отличие от русской бытийности, где человек не занимает центральной позиции.

Некоторые черты, обнаруживаемые в сопоставительных описаниях культурно-обусловленных сценариев А. Вежибцкой на семантическом метаязыке [8], можно обобщить следующим образом:

Русская культура	Англо-саксонская культура
Вербальное выражение эмоций как одна из основных функций речи. Нет запрета на выражение эмоций. Эмоциональная температура текста выше.	Неодобрительное отношение к ничем не сдерживаемому словесному потоку чувств.
Степень интимности личных отношений играет исключительно важную роль. В частности, через личные имена: <i>Володенька, Катюха. Экспрессивное словообразование.</i>	Ограниченное число средств для обозначения близких отношений.

¹ Проткнули шину твоего спортивного велосипеда. Ты не можешь показать, что хочешь расплакаться. В присутствии товарищей ты шутишь по поводу этого происшествия.

Неагентивность: доминирование безличных дативных предложений (<i>Мне не спится</i>).	Изобилие номинативных и им подобных конструкций связано с агентивностью (<i>I'm sleeping</i>).
Неконтролируемость (инфинитивные конструкции, рефлексивные): <i>Ни пройти ни проехать, Закусить бы, Можно мне вернуться, Что делать?, Мне ведь уезжать, Мне сегодня не читается, Мне вспомнилось.</i> Что-то свершается в умах, но субъект не несет ответственности. Речевые стратегии не нацелены на взаимодействие. <i>Хочется/не хочется</i>: индекс частоты в русском языке – 247, в английском – 41. <i>Ему удалось</i> (нет ответственности). <i>Ему не удалось</i>.	Каузация позитивно связана с человеческой волей. Акцент на каузативные отношения и повышенное внимание к различным стратегиям взаимодействия между людьми. <i>He succeeded</i> (он несет часть ответственности). <i>He failed</i> (то же).
Агент выступает в роли экспериенцера: что случится со мной, пассивное накапливание жизненного опыта: <i>Мне холодно/хорошо.</i> Я ничего не могу сделать: <i>надо, нужно, следует, должно.</i>	Агентивность: что делаю я, это акт воли – я делаю, я хочу: <i>I cannot do it.</i> <i>I have to do it.</i>

Я-позиция в терминах социальных ожиданий и ценностей трактуется как ожидание оценок, суждений, эмоционального отношения; Ты-позиция – как ожидание того, что говорящий обозначит каким-то образом присутствие собеседника – прямо (адресно) или опосредованно через план сообщения. Таким образом, восприятие текста, высказывания в русском культурном контексте вызывает, в первую очередь, оценочно-эмоциональную реакцию (*Мне доклад не понравился. – Ну и намудрили вы в диссертации! – Ничего не понял в лекции*), во французском контексте адресатом воспринимаются элементы, фиксирующие его присутствие в тексте: адресованность (*Vous désirez, Monsieur*), информирование, задающее границы и компоненты ситуации, что позволяет адресату обратиться к своему познавательному опыту для ориен-

тации (*Je sors d'une conférence consacrée au bicentenaire de V. Hugo animée par N., directeur du musée national Hugo*).

Два фундаментальных способа культурной детерминации взаимодействия определяют структуру и способы выражения содержания текста. Для Ты-позиции развертывание от плана сообщения к плану отношения к сообщаемому, в Я-позиции – от плана суждений и оценок к сообщению. Восприятие текста в Я-перспективе строится от ожидания суждений, оценок и отношений к информированию, для Ты-культуры – ожидание ситуативных рамок и опор. Рекомендации, даваемые во французских пособиях по составлению резюме, текстов деловых бумаг и др., настаивают на том, чтобы вначале был выстроен план сообщения (*mise en situation*), который затем выстраивается композиционно (*mise en prédication*), и только тогда вводятся модальности (*mise en modalisation*).

Позиции общения в культуре выражаются в языке. Так, во французском языке план сообщения, будучи первичным в восприятии речи, формируется: 1) в структуре текста, который разворачивается от сообщения к суждению; 2) через связность французского текста, доминирующим средством которой является постоянство темы; 3) в непрямой оценочности; 4) в стяженности синтаксических групп, ведущих к эксплицитному выражению синтаксических связей в предложении и единству синтаксического субъекта; 5) в употреблении двух планов глагольных времен, указывающих собеседнику, есть ли момент речи в сообщении; 6) в употреблении артикля, отсылающего слушающего к предыдущему или последующему контексту; 7) фиксированным порядком слов, имеющим высокую прогнозирующую силу; 8) в письменных текстах пунктуацией, обеспечивающей синтаксическую «прозрачность» структуры предложения; 9) в устном общении интонацией, ведущей слушающего по коммуникативному замыслу говорящего, и быстрым темпом речи, чтобы не занимать много времени у собеседника; 10) в способах именования, в которых проявляется экономия средств, в частности, в распространенности метафорических средств номинации. Субъектный характер (наличие субъекта, неанонимность высказывания, создающие поле безопасности для адресата) проявляется в формулах восклицания. Французские восклицания *«Je suis d'accord! Ma parole! Je*

vous le jure! Admettons-le! Je m'en fous! Je n'en sais rien! On ne le dirait pas! Voilà qui m'échappe! On ne sait jamais. Vous l'avez échappée belle. Je n'en reviens pas. Vous parlez! Mon oeil! Tu charries! Tu es fou! Cause toujours, tu m'intéresses!» чаще всего указывают на носителя/субъекта состояния. Он берет на себя ответственность за данную эмоцию. В русском языке «*Ей-богу! Фу! А то нет! Еще бы! Ну да! Да что ты! Неужели! Подумаешь! Ну и что!*» говорящий как субъект говорения/восклицания не присутствует в употребляемых формах, его выдает только голос, если это звучащая речь.

В Я-позиции прямое воздействие выражается синтаксически: восклицанием («*Этого дурака мы обязаны еще любить!*»), риторическими вопросами («*Как хочется иногда простого человеческого понимания, участия, доброты в минуту, когда тебе плохо!*»), эллипсисом («*Еще одна разновидность дураков: набитые. Проблема: оторванность от жизни.*»), – лексически: оценочными прилагательными («самое дорогое, что у него было в жизни», «любимая лошадь», добрый, внимательный, заботливый, более чувствительная личность, таинственный, непонятный); модальными наречиями (*сильно, глубоко, ведь, тем самым, к сожалению, к счастью, на мой взгляд*); усилительными наречиями (*абсолютно, настолько, лишь, даже*), – в тексте использованием: предложений-ярлыков, предложений-суждений, предложений причины («*Взрослые люди его не понимают, потому что они уже прошли этот путь и забыли свои ощущения, мысли, чувства и поэтому они абсолютно делают другие выводы по поводу того, что сказал ребенок*»), прямых противопоставлений, соединения разноположенных признаков, событий, фактов («*добрый, как и умный*»). Особенностью композиции текста является построение от суждения к его иллюстрации материалом прочитанного. Суждение часто имеет характер обобщения, генерализации: «*Совершенно очевидно, что все жизненные правила дураки берут из книг. Они все «круглые». В связи с этим, все делят на белое и черное*». Способы косвенного воздействия: текстовые наречия («*на мой взгляд, вообще*»), метафора, цитация, общие истины: «*Маленькие дети всегда живут в отдельных мирах. Каждый из нас в детстве переживал такие же чувства*», присоединение к точке зрения («*Я полностью разделяю данную точку зрения*»),

Мы-высказывания (*«Отказавшись видеть и жить в рамках какой-либо системы, мы обретаем возможность увидеть все «цвета радуги».*

Доминирование того или иного способа диалогического взаимодействия в культуре не означает ее закрытости другому способу. В любом языке есть достаточно средств для компенсации доминирующей позиции. Так, экспрессивное словообразование в русском языке служит для включения адресата речи в поле коммуникации: адресованность речи, заинтересованность в собеседнике выражаются в устной речи ласкательными суффиксами: *Мне, пожалуйста, молочка; Не хотите ли хлебчика?* и т.д. Косвенная субъектность (*Мне холодно*) отражает, на наш взгляд, стремление не беспокоить собеседника (сравни. *Я замерз*). Пласт русской культуры, связанный с интеллигенцией, в значительно большей степени проявляет Ты-позицию общения, чем другие субкультуры.

Учет культурной обусловленности восприятия текста представляется необходимым как в межкультурной коммуникации – общении и переводе, так и в обучении языку, что способствует расширению сферы общения и «взращиванию» гибкости в межкультурном и межкультурном общении.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Вежицкая А. Язык. Культура. Познание. – М.: Русские словари, 1997. С. 33–34.
2. Чудинов А.П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000): Монография / Урал. гос. пед. уни-т. – Екатеринбург, 2001. С. 66, 68, 85, 93.
3. Вежицкая А. Язык. Культура. Познание. – М.: Русские словари, 1997. С. 42, 76.
4. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. – 2-е изд., испр. – М.: Языки русской культуры, 1999. С. 327.
5. Там же. С. 769–770; 777–778.
6. Closets F. de. Le bonheur d'apprendre et comment on l'assassine. – P.: Editions du Seuil, 1996. С. 123.
7. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. – 2-е изд., испр. – М.: Языки русской культуры, 1999. С. 769–770.

8. Вежицкая А. Язык. Культура. Познание. – М.: Русские словари, 1997. С. 20–21.

ЙОГА И ДРЕВНЕИНДИЙСКИЕ ТЕКСТЫ

*Ю.Г. Вышковарко.
РГАгр.ЗУ.
г. Москва.*

Двадцатый век стал не только веком научно-технических и социальных революций, но и великим взаимопроникновением и синтезом Культур Востока и Запада, открытием для Запада многих скрытых тайных эзотерических учений и практик. Особенно широкое распространение получили такие философско-практические системы как йога и ци-гун. Благодаря просветительской деятельности на Западе таких мыслителей и практиков йоги, как Парамахамса Йогананда, Свами Вивекананда, Шри Ауробиндо, Свами Вишну Девананда и других, люди Запада узнали о йоге как древнем методе физического, психического и духовного развития, как мощном методе познания себя, окружающего мира и достижения гармоничных отношений в этом мире. В настоящее время практика йоги могла бы помочь в решении многих проблем современной цивилизации, таких как: экология, здоровье, гармоничное развитие, формирование новой парадигмы, нового мировоззрения. Йога изучается во многих научно-исследовательских центрах всего мира. Наблюдаются попытки описания тренировочных методов йоги современным языком науки, биологии, медицины, психологии. Практические методы йоги широко применяются в психологии и психоанализе, медицине, физической культуре Запада.

В связи с этим, представляет интерес анализ йогических древних текстов и получение из них информации. Это оказалось очень трудной, но интересной задачей. В изучении этих текстов можно выделить несколько особенностей, затрудняющих их исследование: